

Серафима Чеснокова

11 класс, школа 76. Пресс-центр «Поколение». Санкт-Петербург

Рецензия на спектакль «Romeo&Juliet, или Милосердная земля», режиссер Люк Персеваль, БДТ им. Товстоногова, Вторая сцена (Каменноостровский театр)

Ромео без Джульетты

Безумие – странная штука. С помощью нее можно скрыться от всех и вся в своем маленьком ничтожном (или очень даже «чтожном») мирке, ну, или потерять этот мирок, а вместе с ним и тот, от которого скрывался.

Люк Персеваль, с недоверием взиравший на спектакли, в которых играли молодые Ромео и Джульетты, решил поставить свой, состарив этих самых Ромео и Джульетт, дабы показать: настоящая любовь возможна только вместе со смертью. («Мы живем в такое время, когда старость отодвигается все дальше и дальше. И мне хочется сделать спектакль, в котором я обниму старость», — в одном из интервью поделился Люк Персеваль.) Он скомпилировал фрагменты из романа Дмитрия Верхюлста «Библиотекарь» с фрагментами из «нет повести печальнее на свете» Вильяма Шекспира. Текст, как всегда, нещадно сократил и осовременил. Представил постановку «ROMEO&JULIET, или Милосердная земля» в Каменноостровском театре (вторая сцена БДТ).

Действие, как уже не трудно догадаться, происходит в доме престарелых, где Дезире (Дмитрий Воробьев) в окружении медработников и «любимой» семьи встречает свой 74-й день рождения. Он таки решился поиграть в безумие, выбрав для своего возраста самое подходящее заболевание — деменцию. Старый, одинокий неудачник, окруженный людьми, к которым испытывает исключительно отвращение, отважился вырваться из трехмерной клетки бесконечной поруки, но, увы, оказался заложником собственной черепной коробки.

С трех сторон сцену обрамляет деревянный амфитеатр — сознание нашего героя (художник Катрин Бракк), наполненный «хором незабудок» — группой молчаливых, миловидных старушек в цветастых ночнушках. Сам Дезире становится центром круга. Осью всего спектакля (не об этом ли он мечтал?). Реальность здесь раскладывается на два или даже три плана. В одном — внутренний голос Дезире. В другом — реплики жены и дочери, а также диалоги сотрудников медицинского учреждения, в третьем — нечто вневременное, непосредственно текст «Ромео и Джульетты». Мир нашего героя населяют санитарки и трупы. Но внутри все еще «сидит» Шекспир. Раз за разом к Ромео приходит воспоминание о неслучившейся возлюбленной Розе — призрак Розы (Мария Шульга) в зеленом платье брезжит на периферии сцены. Это фантом его воображения. В спектакле ей позволено только петь и изредка неуловимо смеяться. Зритель не видит даже ее лица. Дезире, конечно, очень удобно видеть в ней возможную идеальную возлюбленную. Ведь встреча их в юности оказалась единственной и мимолетной. Роза — лишь объект, на который герой перекладывает свои представления о возможных идеальных отношениях, абсолютной любви, реализованных возможностях. Реальная же Роза Розендалс — не больше, чем жертва Альцгеймера, «заблудившаяся» в том же доме престарелых.

Жаль, все никак нашему Ромео не удастся остаться со своей Джульеттой наедине. Жена и дочь все еще бродят по этому замкнутому кругу. Ируте Венгалите — Госпожа Моник, что же вы хотите от своего выжившего из ума мужа? Что же вы шипите на него? Успокойтесь, он вас все равно не узнает. Ненависть. Одна только ненависть проступает в ее голосе, в резких издевательских фразах, даже в контурах тела, грузного, малоподвижного, почти геометричного, будто обрубленного невзрачным серым костюмом. «Было же? Ведь было?». Прошлая Джульетта боится. Она боится одиночества и пустоты.

Варвара Павлова — Шарлотта, не откровенничайте с отцом. Он вас все равно не услышит. Только пукнет в ответ, как и полагается старому маразматiku. Беспомощность. Остается одна только беспомощность. Слышишь, Дезире? Ты создал целую оперу из завываний старух, санитарок и своего семейства. Нравится? Нет. Для тебя это уже ни имеет никакого значения. Твоя реальность, твоя действительность теперь отличается от реальности этих мелких людишек. Они остались жить на земле, у них все еще есть опора: грязь и ничтожество этого мира. А у тебя этой опоры нет. Ты, словно связка воздушных шаров, отцепленных от запястья жены, улетел покорять новые измерения своего бессознательного. Так и не пообещав вернуться.

«Воздуха не хватает», — все восклицает госпожа Моник. В этом месте кислорода достаточно только трупам. Хватит и Дезире. Теперь и он труп. Ушел вслед за Розой. Без каких-либо бессмысленных надежд на встречу в будущем. Благо, смерть их не бессмысленна. Ведь после каждой гибели своих пациентов старшая медсестра (Ирина Патракова) неделю чувствует себя бессмертной и живет полной жизнью. Круг не замыкается. Ждите новых поступлений.

Не о любви шла речь в этом спектакле. Режиссер, скорее обозначил краткий курс того, как можно разрушить свою жизнь и на обломках построить мир своих иллюзий. Но «обнять старость» Люку Персевалю однозначно удалось. Актуально. Особенно, учитывая важность проблемы старческого маразма среди стремительно стареющего населения большинства развитых и ряда развивающихся стран. Правда, можно сказать, что в определенных смыслах «Милосердная земля» воспроизводит темы и приемы прежних спектаклей Люка Персеваля. Например, тема деменции подспудно, не в такой брутальной подаче, как, например, в одноименном спектакле Корнеля Мундруцо, присутствовала в «Вишневом саде», где реальность, казалось, просматривалась сквозь дырявое рубище памяти Любови Андреевны Раневской. Изолированное внутри себя самого сознание стареющего Макбета, безнадежно

влюбленного в юную красавицу жену, материализовывало множественные фантомы. Но никогда раньше эти темы и приемы не работали так буквально, так тавтологично, не подавались простой рифмовкой текстов литературного и театрального, речевого и визуального.